

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.34130/2223-1277-2019-2-238-245

Т. Н. Федуленкова

Рецензия на монографию Н. А. Кузьминой: Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018, 272 с.

Fedulenkova T. N. Review on the monograph: Intertext: theme and variations. Phenomena of language and culture in intertextual interpretation. M.: Book House «LIBROKOM», 2018, 272 p.

Научные публикации последних лет объединяет утверждение об интертекстуальности СМИ как отражении миро- и самоощущения современного человека. Не подвергая сомнению этот тезис, автор монографии Н. А. Кузьмина обращает внимание читателя на тот факт, что существуют разные категории СМИ, разные виды интертекстуальности и, наконец, разные типы языковых личностей — журналистов и читателей СМИ.

Интересно, что автор прежде всего вводит разграничение интертекстуальности и прецедентности. В соответствии с излагаемой теорией интертекстуальность понимается автором как глубина текста, определяемая его способностью накапливать информацию

как посредством отражения действительности, так и опосредованно — извлечением информации из других текстов. Следуя за классиками философии языка и культуры (Ю. М. Лотман, В. Н. Торопов, А. Н. Веселовский), автор связывает интертекстуальность с такими понятиями, как традиция, семиотическая память культуры, деривационная история языка, диахроническая матрица текста, смысловая многомерность, «растяжимость для новых откровений мысли».

Рассмотрение интертекстуальности как критерия гносеологической и эстетической валидности текста — «если произведение не обладает этим свойством, оно не имеет шансов войти в науку, литературу <...> в культуру в целом» [с. 203] — приводит автора к утверждению, что интертекстуальность есть один из способов трансляции кода культуры. Кстати, эта плодотворная идея перекликается с поиском носителя и хранителя кода культуры в пространстве фразеологии национального языка у М. Л. Ковшовой [1; 2].

Реализация интертекстуального тезаруса и интертекстуальной компетенции видится в зависимости от коммуникативных условий и типа речевой культуры носителя языка: *элитарного* (широкая и глубокая активная область интертекста) и *среднелитературного* (знание по преимуществу прецедентных феноменов массовой культуры).

Рассуждая об интерпретации интертекстуальных знаков, автор высказывает предположение о существовании двух типов прагматических условий восприятия интертекстуальных явлений — текстовых и когнитивно-личностных.

Как известно, введение терминов *прецедентность* и *прецедентный текст* в метаязык лингвистики обычно ассоциируют с именем Ю. Н. Караулова [3], и вот уже более трех десятков лет понятие прецедентных феноменов активно используется лингвистами, причем нередко в значении, тождественном значению термина *интертекстуальность*. Предлагая разграничить эти понятия, Н. А. Кузьмина рассуждает следующим образом. Интертекстуальность соотносится с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью: интертекстуальные знаки есть феномены культуры, предполагающей межпоколенную связь. Прецедентность же соотносится с тем, что происходит в настоящее время и актуально сегодня.

ня, но совсем не обязательно сохранит свою значимость завтра. Интертекстуальные знаки проверены временем и традицией, так как они существуют в течение жизни нескольких поколений людей в виде особого культурного кода. С другой стороны, существование прецедентных феноменов ограничено временем их восприятия и репрезентации. Автор поэтому подчеркивает, что именно для прецедентных феноменов важна «техническая» поддержка прежде всего средствами массовой коммуникации, которая обеспечивает тотальную их рецепцию максимально широким кругом потребителей. Эти рассуждения приводят автора к следующему заключению: «интертекстуальность — это транслируемый код культуры как системы традиционных для человека ценностей материального и духовного характера, прецедентность же — явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры [с. 204].

В монографии подчеркивается обязательность прохождения (и, возможно, не один раз) интертекстуальными феноменами фазы прецедентности, как, например, романы Э. М. Ремарка, входящие в культурный фонд, переживали стадию прецедентности как минимум дважды: в 40-е годы в Германии и вторично в 90-е в России. С другой стороны, отмечается краткость существования текстов шлягеров или кинотекстов и ситуаций в политике (например, «дирижирование» Ельциным военным оркестром на аэродроме в Германии) в качестве прецедентных феноменов.

Такая дифференциация понятий делает очевидным факт, что специфика медиадискурса более связана с прецедентностью, чем с интертекстуальностью. Но именно прецедентные тексты могут выступать как «тексты влияния», которые понимаются автором как сильные тексты, вступающие в резонанс с читателем и рождающие новые метатексты. Под метатекстами понимаются вторичные произведения, разные по стилю и жанру:

а) переводы (для СМИ переводами допускается считать передачи, «скроенные» по западным лекалам — «Поле чудес», «Кто хочет стать миллионером» и др.),

б) критические отклики, положительные и отрицательные (сегодня не только в официальных СМИ, но и в Интернете — на форумах, в блогах, в социальных сетях),

в) речевые и идеологические реакции власти (перенесение скандальной передачи «Дом-2» из прайм-тайм на более позднее время и т.п.),

г) научные разборы (статьи и даже диссертации),

д) пародии, анекдоты (всегда означающие признание значимости явления),

е) включение цитат и свернутых цитат — знаков в разговорную речь носителей языка.

Автор считает уместным говорить о текстах влияния для отдельной языковой личности, для определенной референтной группы и о текстах влияния для некоторого социума в конкретный временной отрезок. Наряду с этим существуют также тексты влияния — прежде всего тексты СМИ и реклама — выходящие за рамки узкой референтной группы и имеющие адресатом массового читателя.

Не секрет, что в современном социуме нарушается естественный баланс между высокой и низкой культурой, происходит разрушение классической культуры, а низовая культура начинает выступать в виде официальной. Технический прогресс в системе средств массовой коммуникации, по мнению В. В. Миронова, привел к созданию единого глобального коммуникационного пространства, внутри которого «диалог практически невозможен, точнее неинтересен и лишен смысла или же упрощен до предела: это общение ради общения», общение без насыщения смыслами. Автор призывает читателя обратить внимание на характер общения в большинстве чатов Интернета и вопрошает: «Вы встречали там вопросы о смысле жизни?» [4, с. 237]. Дело в том, что доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения, тиражирования. Современный массмедийный дискурс «способен сделать общезначимым событием все, что угодно» ... от словаря русского мата до химического состава гексогена. И действительно, вряд ли кому в голову придет всерьез рассуждать об эстетической ценности таких телетекстов, как «Наша Russia», «Дом-2» или «Comedy Club», но и, согласимся с Н. А. Кузьминой, трудно подвергнуть сомнению тот факт, что они являются текстами влияния.

Настаивая на разграничении обсуждаемых понятий, автор делает акцент на том, что, если интертекстуальные знаки связаны с механизмами памяти, значимыми для классической культуры, то прецедентные феномены, в свою очередь, связаны с механизмами забвения в современной низовой, массмедийной культуре. В целях аргументации своего утверждения автор апеллирует к современной философской мысли (В. Подорога, М. Эпштейн, Г. Люббе и др.), представители которой уверяют, что все основные механизмы массовой культуры могут быть сведены к технологиям забвения, и пишут о *сокращении настоящего, парадоксе ускорения* и *грамматике ускорения*, в результате чего происходит укорачивание временных интервалов, в которые мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений. Происходит резкое увеличение скорости разрушения старых ценностей и целостной знаковой системы культуры, которая господствовала на протяжении столетий. И, как результат, новые ценности не успевают адаптироваться к системе культуры, людям некогда их впитывать, постоянно соотнося с предшествующими, а потому они начинают их осваивать. Вечные ценности заменяются временными, или относительными, и ценность современного произведения — это, как оказывается, чисто временной фактор.

Автор монографии высказывает опасение в том, что в современном обществе высокая культура, или культура памяти, разрушается, уступая более агрессивной низкой культуре, и, как следствие, утрачивается традиционная литературоцентричность культуры. Сферами влияния, порождающими прецедентные единицы, становятся массмедиа, которые по утверждению известного французского культуролога Абраама Моля, «фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры». То, что не попало в каналы массовой коммуникации и не было включено в «технологии раскрутки», почти лишено шансов оказать влияние на общество. В результате культуролог приходит к выводу о том, что в настоящее время знания формируются не системой образования, а средствами массовой ком-

муникации: общество в целом и отдельный индивид не в состоянии уклониться от воздействия СМИ [5].

Тем не менее автор рецензируемой монографии предполагает, что интенсивность интертекстуальных знаков не зависит от типа СМИ, и предпринимает попытку проверить это предположение. Автор формулирует следующую гипотезу: «современный российский рынок СМИ, во-первых, в качественном отношении сравнительно однороден, во-вторых, ориентирован на столь же однородную в общекультурном плане читательскую аудиторию, дифференцированную разве что по профессиональным интересам, гендерному признаку или увлечениям. Если это так, то и нет существенных различий в интенсивности и характере функционирования интертекстуальных знаков в разных изданиях».

Проверить это оригинальное предположение было предложено студентам, магистрантам и аспирантам посредством анализа интертекстуального корпуса ряда журналов, а также телепередач КВН.

Как показала статистика, наблюдаются незначительные колебания по источникам прецедентных феноменов в соответствии с профилем издания: в «Total Film» отмечено больше обращений к сфере кино, в «Русском репортере», «Итогах» — к современной политике, в «Maxim» и «Cosmopolitan» — к шоу-бизнесу и светской жизни.

Однако, что само по себе небезотраднo, самым популярным во всех изданиях оказался национальный паремиологический фонд, включающий афоризмы, пословицы, поговорки, устойчивые выражения. Далее следует кино- и теледискурс: цитаты и прецедентные феномены из художественных и мультипликационных фильмов, названия телепередач. Почти одинаковое место занимают музыкальный дискурс — преимущественно цитаты шлягеров — и художественная литература, далее идут история, политика, реклама.

В результате автор имеет возможность поделиться своими выводами: в сегодняшней России нет существенного различия в функционировании интертекстуальных знаков в изданиях разного типа, и современный медиадискурс характеризуется общими процессами и общими принципами функционирования прецедентных феноменов.

Несмотря на дискуссионность претензий автора монографии по вопросу происхождения таких понятий, как *энергия интертекста*, *интертекстуальный тезаурус*, *интертекстуальная компетенция* и ряда других, книга представляет несомненный интерес не только для специалистов по филологии и культурологии, но и для более широкого круга читателей, тем более, что, с точки зрения синергетики, предлагаемая автором книга возбуждает определенные «резонансные возмущения», «микрофлуктуации», способные при определенных условиях вызвать изменения в области научного знания.

Библиографический список

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.
2. Федуленикова Т. Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. №. 4(43). Т. 2. С. 178—182. URL: <http://mii-info.ru/> (дата обращения: 11.08.2014).
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во URSS, 2010. 264 с.
4. Миронов В. В. Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 237—258.
5. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.

References

1. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology: Culture codes]. Moscow, Book House «LIBROKOM», 2013, 456 p. (In Russ.)
2. Fedulenkova T.N. *Lingvokul'turologicheskiy metod v frazeologii M. L. Kovshovoy: indeks innovatsii* [Linguoculturological method in the phraseology of M. L. Kovshova: Innovation Index]. *Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk — European Social Science Journal*, 2014, no. 4(43), vol. 2, pp. 178—182. (In Russ.). Available at: <http://mii-info.ru/> (accessed: 11.08.2014).

3. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, URSS Publ., 2010, 264 p. (In Russ.)

4. Mironov V. V. *Sredstva massovoy kommunikatsii kak zerkalo pop-kul'tury* [Mass media as a mirror of pop culture]. *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Media Language as an object of interdisciplinary research]. Moscow, Moscow State University Publishing House, 2003, pp. 237—258 (In Russ.)

5. Mol' A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture]. Moscow, LKI Publ., 2008. 416 p.